

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Челябинский государственный университет»
Факультет Евразии и Востока

**СУДЬБЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И НОВОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ**

Сборник материалов V Международной научной конференции

г. Челябинск
29—30 сентября 2022 г.

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2022

УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2
С892

Организатор конференции

Факультет Евразии и Востока,
Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия)

Партнеры конференции

Министерство культуры Челябинской области (г. Челябинск, Россия)
Администрация г. Челябинска (г. Челябинск, Россия)
Региональный научно-образовательный центр изучения проблем национальной безопасности,
Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).
Общественная палата Челябинской области (г. Челябинск, Россия)
Ассамблея народов Челябинской области (г. Челябинск, Россия)
Челябинское региональное отделение Общества «Россия — Япония» (г. Челябинск, Россия)
Центр исследований Кореи «Корееведение», Казанский (Приволжский)
федеральный университет (г. Казань, Россия)
Центр народного единства г. Челябинска (г. Челябинск, Россия).

Ответственный редактор и составитель сборника

Роман Андреевич Бадиков — кандидат исторических наук / Ph.D. MSU (in History)

С892 **Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью** : сборник материалов V Международной научной конференции (г. Челябинск, 29—30 сентября 2022 г.) / под ред. Р. А. Бадикова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. — 263 с.

ISBN 978-5-7271-1855-9

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью», прошедшей 29—30 сентября 2022 г. в г. Челябинске на базе факультета Евразии и Востока ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет».

В статьях участников конференции нашел отражение широкий круг научных вопросов, связанных с проблематикой существования национальных культур в традиционной парадигме и в ситуации «новой реальности»; тематикой межкультурной коммуникации, межкультурного и межнационального диалога в XXI в.; современной ситуацией в сфере межнациональных отношений в России и в мире.

Издание адресовано специалистам — экспертам в сфере государственной национальной политики, исследователям национально-культурной проблематики, а также всем, кто интересуется вопросами истории, культуры, этнографии, философии и национальной политики.

УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2

*Организационный комитет конференции может не разделять точку зрения авторов публикаций.
Доклады публикуются в авторской научной редакции.*

ISBN 978-5-7271-1855-9

© Челябинский государственный университет, 2022

Функционально-семантическая категория эвиденциальности в удмуртском языке

К. С. Ефимов¹

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Основная цель работы состоит в обзорном рассмотрении реализации функционально-семантической категории эвиденциальности в удмуртском языке, которая выражает отношение говорящего к сообщаемой им информации. Данная категория может быть вербализована на разных уровнях языковой системы, а именно на уровне лексики, грамматики и синтаксиса. Новизна исследования обусловлена отсутствием комплексного рассмотрения эвиденциальности в удмуртском языкознании как языковой универсалии.

Ключевые слова: финно-угорские языки, удмуртский язык, грамматика удмуртского языка, прошедшее время, лексика удмуртского языка, синтаксис удмуртского языка, эвиденциальность.

На сегодняшний день грамматические описания удмуртского языка, словари, а также отдельные исследования содержат мало информации по такой языковой универсалии, как *эвиденциальность*. Общеизвестно, что в процессе речевой деятельности говорящий может сопровождать свои высказывания определённым отношением к этому самому высказыванию. При этом, в языках разных языковых групп, подобные высказывания могут маркироваться таким отношением говорящего на разных языковых уровнях языковой системы (напр. в лексике, в грамматике). Поэтому задачей нашей статьи является выявление основных закономерностей функционирования и способов репрезентации вышеназванной категории в удмуртском языке.

Рассматривая данную категорию, мы будем придерживаться определения, сформулированного А. Д. Каксиним: «Эвиденциальность — это функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, с точки зрения говорящего, который сам очевидцем действия (события) не был, и этот факт специально подчёркивается или подразумевается» [1, с. 63]. Исходя из этого определения, первым же делом хочется обратиться к формам II прошедшего времени. Например, М. К. Каракулова прямо пишет: «Глаголы в этом времени обозначают такое действие или состояние, очевидцем которого сам говорящий не был». [4, с. 70]. Рассмотрим пример употребления глагола во II прошедшем времени: — *Та куроез ми люкамы, — шуэ Санька. — Адзиськод-а, кыче жужыт но меч? Пушказ ву уз вия, тулыс но выль кадъ ук луоз! Тазы вераськемзэс Санька кинлэсь ке*

кылэм но табере тодисьяське. Онтон азын кузё кариськиз. ‘— Эту солому мы разделили, — говорит Санька. — Видишь, какая высокая и крутая? Внутри вода не протечёт, весной будет как новая! Так Санька услышал чей-то разговор и думает, что всё знает. Перед Онтоном изобразил начальника’. (Г. Красильников. «Пёртмаськись нюк» (1955), НКУЯ). Здесь мы видим, что говорящий с помощью формы II прошедшего времени подчёркивает, что говорящий не знает, откуда Санька узнал, что нужно делать с соломой, подчёркивает, что не был очевидцем этого события, и его мысль находится на уровне предположений.

Подобным образом эвиденциальность проявляется и в аналитических формах прошедшего времени. Такие формы были выделены в 1960 году академиком Б. А. Серебренниковым в монографии «Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп». Формы, имеющие эвиденциальную сему, Б. А. Серебренников называет «абсентивными» (от лат. *absens* — отсутствующий) [8, с. 66]. Современные учёные считают этот термин устаревшим, как например А. Д. Каксин, который считает, что термин «эвиденциалис» следует использовать вместо устаревших «нарратив», «латентив», «абсентив», «пересказывательное наклонение», от которых, по его мнению, необходимо отказаться [2, с. 33]. Таким образом, в работах Б. А. Серебренникова можно увидеть разделение нейтральных и эвиденциальных форм прошедшего времени, образованных аналитическим способом. Всего Б. А. Серебренников выделяет 3 формы, в названии которых есть термин «абсентив»: Первый плюсквамперфект абсентива,

¹ Ефимов Кирилл Сергеевич — аспирант. Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия).

прошедшее многократное абсентива, прошедшее длительное абсентива [8, с. 122—132].

Первый плюсквамперфект абсентива «образуется на базе форм перфекта, соединяемых с частицей *вылэм*» [8, с. 122]. Напр. ‘мынэм вылэм’ (он ходил раньше, оказывается) [8, с. 122]. Рассмотрим пример употребления этой формы: *Атаймылы уни со шофёр ивортэм: Семён, пе, шуиз: «Кыче капка азын мумы пуны кылле, отчы ик жокты пудэ. Со пунылэн нимыз, пе, ас буёлэзья — Чернышка, жоген кучапи ваёно — тодмалод». Та съёрлось шофёр акшанозь гуртамы вуылэм вылэм уни, соку адзем, кыче капка азын кылле пияно съод пуны.* ‘Нашему отцу уже этот шофёр сообщил: Семён, мол, сказал: «Перед какими воротами лежит собака, туда и выгружай. У этой собаки имя, мол, как её собственный цвет — Чернышка, скоро щенки появятся — познакомись». С этой чужой стороны шофёр до сумерек в нашу деревню вернулся было уже, тогда увидел, перед какими воротами лежит беременная чёрная собака’. (Вячеслав Ар-Серги. Пичи пи но Полкан (2005), НКУЯ). В данном примере мы видим пересказ событий, очевидцем которых говорящий не был.

Далее рассмотрим «прошедшее многократное абсентива». *Соку мон зеч валай — та дуннеын, шулдыр но шудо улон сяна, кулон но вылэм на. Артэ соос ветло вылэм.* ‘Тогда я хорошо понял — в этом мире, кроме счастья и весёлой жизни, оказывается, была ещё и смерть. Они рядом ходили’. (Вячеслав Ар-Серги. Уйвотын усылымы (1988), НКУЯ). В этом примере речь идёт об абстрактных понятиях «жизнь» и «смерть», которые, в данном контексте, наделены антропоморфными качествами. Таким образом, говорящий не мог видеть их лично. Кроме того, в высказывании присутствует удивление говорящего озвученным фактом, что также входит в поле эвиденциальности [3, с. 25].

И наконец «прошедшее длительное абсентива» — *Сонгро пересь кадь кёлйськод вылэм тон! — возпонтонзэ ватыны тыршыса вераз Пельтемов, корка пырыкуз.* ‘Ты спал как глухой старик, стараясь скрыть злость сказал Пельтемов, заходя в дом’. (Ульфат Бадретдинов. Їушъял вордйське веньёстэк (2007), НКУЯ). В данном случае, говорящий выражает своё удивление увиденным фактом, что, как было сказано выше, также входит в поле эвиденциальности.

Некоторые исследователи, например З. Немет выделяют также формы, которые ранее учёными не выделялись. Например *мыни вылэм* ‘ходил было, оказывается’ [11, с. 523]. Однако, если эта форма и существует, то скорее всего она исполь-

зуется чрезвычайно редко. В любом случае этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Теперь перейдём к рассмотрению эвиденциальности, передаваемой с помощью лексических средств. Первым делом стоит рассмотреть лексему *вылэм* ‘было, оказывается’, которая присутствует в составе аналитических форм глагола, рассмотренных нами выше. В грамматиках (например УКК), при рассмотрении аналитических форм глагола, приводятся параллельные формы, которые по формальным признакам отличаются только использованием вспомогательного глагола *вал* ‘было’, либо *вылэм* ‘было, оказывается’ [9, с. 185—189]. Помимо аналитических форм глагола, обе эти лексемы могут быть использованы и с другими частями речи. И именно *вылэм* содержит эвиденциальную сему, поскольку все «неочевидные» формы прошедшего времени употребляются именно с лексемой *вылэм*. Приведём пример: *Марианналэн атаез немец вылэм, анаез — украинка* ‘Отец Марианны был немцем, а мать украинкой’ (Т. Архипов. Адямилэн чеберез (1963), НКУЯ). В данном случае, говорящий скорее всего сомневается в происхождении Марианны и не уверен в достоверности сведений, которые были получены от третьих лиц.

Стоит также отметить, что лексема *вылэм* ‘было, оказывается’ может ещё использоваться в модальных значениях. Например, Н. В. Кондратьева считает, что эта лексема может использоваться «для более мягкой формы выражения совета» [6, с. 988]. В то же время копонент *вылэм* примыкает только к определённого типа глагольным формам, а именно — причастия (инфинитивы) на *-оно/-ёно, -но* [6, с. 987].

Другая лексема, показывающая сомнение в достоверности сведений — это *пе* ‘мол’. Об этой лексеме пишет немецкий исследователь Э. Винклер. Он считает, что «в удмуртском языке есть лексические и морфологические средства для выражения эвиденциальности. К первым относятся *пе*» [12, с. 49]. Лексему *вылэм* Э. Винклер относит к морфологическим средствам выражения эвиденциальности, однако это утверждение верно лишь отчасти, поскольку с точки зрения морфологии *пе* является частицей, а *вылэм* глаголом. Но *вылэм* может использоваться как в составе аналитических форм прошедшего времени глагола (морфологическое выражение эвиденциальности), так и примыкая к другим частям существительным, прилагательным, причастиям и т. д. (лексическое выражение эвиденциальности). Теперь перейдём к рассмотрению примера использования частицы *пе* ‘мол’. *Старосталы со верам: йыры, пе, висе, берто.* ‘Он сказал

старосте: у меня, мол, голова болит, я возвращаюсь' (Трофим Архипов. Эшед ке со тынад... (2005), НКУЯ). Здесь мы видим, что говорящий не знает наверняка, болела ли голова у этого человека, поэтому говорящий подчёркивает, что так сказал ему этот человек, и говорящий не знает правду сказал этот человек или соврал. Помимо двух перечисленных нами лексем, эвиденциальность может выражаться и другими лексическими средствами, однако, чтобы описать функционирование всех подобных лексем, одной статьи будет недостаточно.

Эвиденциальность может выражаться также и синтаксическими способами. Например, в русском языке для выражения эвиденциальности могут использоваться синтаксические конструкции (безличные предложения), части сложного предложения и др. Напр.: *Говорят, что он принял наше предложение; Люди видели, как он бежал прочь* [5, с. 89]. То же самое можно применить и к удмуртскому языку: *Верало, тросэз артистъёс кема кёлыны ярато. 'Говорят, многие артисты любят долго спать'* (М. Гаврилова-Решитько. Царица Тамара, Медея, Матрон но мукетьёсаз (2005), НКУЯ). В этом примере мы видим, что говорящий с помощью безличной конструкции стремится показать, что информация содержащаяся в его высказывании основана на слухах и она не основана на его личных наблюдениях. Стоит отметить, что носителем эвиденциальной семы в данном случае является слово *верало* 'говорят', однако, в отличие от собственно лексических средств выражения эвиденциальности (напр. *не* 'мол') содержащих в себе эвиденциальную сему при любых условиях, слово *верало* само по себе эвиденциальной семы не содержит, но приобретает её благодаря своей синтаксической функции.

Существует точка зрения, согласно которой эвиденциальность может быть прямой, т. е. это

«информация получаемая путём зрения, плюс информация о событии, в котором говорящий сам принимал непосредственное участие» [10, с. 605]. Также эвиденциальность может быть косвенной, когда «говорящий получает сообщаемую информацию опосредованным образом, преимущественно через промежуточную инстанцию» [10, с. 604]. Как нетрудно догадаться, эвиденциальность выражаемая в удмуртском языке морфологическим способом, а также перечисленные нами лексические способы выражения эвиденциальности можно отнести к *косвенной* эвиденциальности, поскольку для говорящего важно отразить в сообщении, что он *не был* очевидцем описываемых событий. С помощью же синтаксических способов носитель удмуртского языка может выразить также и *прямую* эвиденциальность, например, когда говорящий лично был очевидцем какого-либо события и этот факт специально обозначается в речи. *Ма, о-о, мон адзи, отысь потэмез бере, со быдэс арнялэсь трос лыз-вож ымнырын ветлйз. 'Что? Да, я видел, после выхода оттуда, он целую неделю сине-зелёный ходил'.* (Лидия Нянькина. Мынам мусо папа Карлоэ (1996), НКУЯ). В этом примере говорящий сообщает, что он непосредственно видел последствия произошедшего с человеком после выхода на свободу и прямо указывает, что лично являлся свидетелем этого. Этот пример хорошо отражает именно прямую эвиденциальность, о которой говорилось выше.

Таким образом, мы видим, что функционально-семантическая категория эвиденциальности в удмуртском языке может реализовываться на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Нами была выделена лишь небольшая область, которая нуждается в достаточно подробном исследовании с привлечением большого количества фактического материала, в том числе и из разговорной речи.

Список литературы

1. Каксин А. Д. Модальность и средства её выражения в хантыйском языке : монография. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 328 с.
2. Каксин А. Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Саранск. 2011. 51 с.
3. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. К вопросу о выражении эвиденциальных значений: инферентив, цитатив и адмиратив в русском языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 22—30.
4. Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков : учеб. пособие. Глазов. Глазов. гос. пед. ин-т, 2000. 92 с.
5. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 86—98.
6. Кондратьева Н. В., Харитоновна Е. В. Особенности выражения речевого акта совета в современном удмуртском языке // Вестник удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29. Вып. 6. С. 986—990.

7. НКУЯ — Национальный корпус удмуртского языка. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/> (дата обращения: 17.04.2021).

8. Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 300 с.

9. УКК — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкутйсь ; ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск : «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 408 б.

10. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб. : Наука, 2007. С. 600—632.

11. Németh Z. A functional analysis of the analytic past tenses of the udmurt language // Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 3, pp. 520—527. In English.

12. Winkler E. Udmurt. In: Languages of the World: Materials 212. München : Lincom Europa, 2001. 85 p.

Сведения об авторе

Ефимов Кирилл Сергеевич — аспирант. Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия). izhcell@gmail.com

Functional-Semantic Category of Evidentiality in the Udmurt Language

K. S. Efimov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

The main purpose of the research is to review the implementation of the functional-semantic category of evidentiality in the Udmurt language which expresses the attitude of the speaker to the information he communicates. This category can be verbalized at different levels of the language system, namely at the level of vocabulary, grammar, and syntax. The novelty of the study is due to the lack of a comprehensive consideration of evidentiality in Udmurt linguistics as a linguistic universal.

Keywords: *Finno-Ugric languages, Udmurt language, grammar of the Udmurt language, past tense, vocabulary of the Udmurt language, syntax of the Udmurt language, evidentiality.*

УДК 93
ББК 63

DOI 10.47475/9785727118559-18

Русский казачий город Ч (культурные характеристики XVIII века)

А. И. Коноченко¹

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Челябинская крепость, заложенная в 1736 г., возникла в экстремальных условиях работы Оренбургской экспедиции, когда развернувшееся башкирское восстание 1735 — 1740 гг. поставило под угрозу планы руководства. Для их осуществления потребовалось строительство опорных пунктов в зоне фронта. В крепости, построенные на Южном Урале, было записано крестьянское население. В 1739—1740 гг. в Челябинской крепости была проведена перепись населения. Данные этого источника содержат важные культурные характеристики, указывающие на места выхода, малую родину первопоселенцев. Такие культурные характеристики города XVIII века, как антропонимика, номинация первого храма, городская топонимика свидетельствуют о том, что Челябинск был моноэтническим и моноконфессиональным городом.

¹ **Коноченко Андрей Иванович** — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Организационный комитет V Международной научной конференции «Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью» (г. Челябинск, 29—30 сентября 2022 г.)	5
---	---

Секция 1. Теоретические и методологические проблемы изучения национальных культур в различных парадигмах знания

<i>А. И. Дроговоз</i> Синергетика как современная парадигма изучения национальных культур.	10
<i>Р. И. Зинурова, Т. Н. Никитина</i> Развитие духовной культуры молодежи в условиях цифровизации	14
<i>А. О. Иванов</i> Против течения: историк Б. Х. Юлдашбаев и оценка его работ в 1960—1970-е годы в контексте критического дискурса-анализа	19
<i>О. Ю. Кокурина</i> К вопросу о формуле государственности в контексте методологии органицизма	24
<i>Д. О. Кузьмин</i> Видеоигры как инструмент проживания культурной травмы: кейс серьезных видеоигр о Югославских войнах 1991—2009 гг.	30
<i>Д. М. Латышев</i> Нормативная телесность в православии: репрезентации реального и воображаемого тела во время пандемии COVID-19 (на материале православной периодики Среднего Урала)	34
<i>К. Д. Никоноров</i> Формирование традиционных представлений тувинцев и их влияние на современную социальную и политическую жизнь Республики Тыва	39
<i>П. С. Одинцов</i> Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса как инструмент анализа социокультурных процессов	43
<i>Е. А. Скворцова, А. Ю. Рудометова</i> Становление семьи в Китае	46
<i>Е. В. Чернышева</i> Пути преодоления конфликтогенности в современном глобальном мире	51

Секция 2. Национальная духовная культура: традиции и новации

<i>Д. А. Аткунова</i> Актуализация традиционных ремёсел коренных малочисленных народов северного Алтая	58
<i>Н. Р. Арнаутова, А. С. Подолько</i> Обогащение лексического состава русского языка в период пандемии коронавирусной инфекции	61
<i>М. С. Баятова</i> Метафизика стихий в поэзии Мацуо Басё: вода (на примере произведений в переводе В. Н. Марковой)	66
<i>Е. А. Волкова</i> Развитие литературного творчества на Алтае во второй половине XIX — начале XX вв.	71
<i>Ю. Н. Данилова</i> «Тактика упреждающей ностальгии». Моно-но аварэ в японском и русском прочтении (от Цураюки до Чехова)	75

В. А. Ермолаев	
Гастрономические особенности европейских стран.	81
К. С. Ефимов	
Функционально-семантическая категория эвиденциальности в удмуртском языке.	84
А. И. Конюченко	
Русский казачий город Ч (культурные характеристики XVIII века)	87
Т. П. Котова	
Историко-культурные центры Башкортостана как форма сохранения национальной культуры и ресурс развития туризма	94
М. А. Кузина	
Вертикальный контекст транслингвального романа: имплицитность vs. эксплицитность (на материале романа М. Сайал “Anita and Me”)	99
М. А. Мартынова, М. В. Боровикова	
Национальная кухня как элемент духовной культуры в условиях новой реальности и «новой нормальности».	102
Д. Ю. Семёнов	
Национальное своеобразие современной скульптуры Удмуртии	108
А. Е. Степаненкова	
Политическая культура Северной Кореи и Южной Кореи на современном этапе: сравнительный анализ.	114
С. Я. Щеброва	
Пазырыкский «звериный стиль» и культурогенетические процессы в Республике Алтай	117

Секция 3. Межкультурная коммуникация и проблемы глобализации

А. М. Алексеев-Апраксин	
Метаморфозы глокализации в Республике Алтай.	126
С. О. Буранок	
«Русский Пёрл-Харбор» в общественном мнении США	129
Т. И. Васильева, Е. В. Хоменко	
Подготовка студентов технического университета к участию в профессиональной межкультурной коммуникации	132
Д. М. Гаврилов	
Традиции реализма в современном искусстве.	135
Я. Р. Галимьянова, А. Х. Габдуллина	
Особенности отражения южнокорейских политических дебатов в языке печатных СМИ	140
Е Хаовэнь	
Влияние театра хуацзюй на культуру национальных меньшинств Китая.	145
М. А. Ламм	
Образы России и Украины в поэме Винцентия Поля «Песнь о земле Нашей»	150
С. А. Ростовцева, А. В. Таскаева	
Персонажи литературных произведений и кинематографа как основа ассоциативных представлений о враче-хирурге в русском языковом сознании	154
А. А. Селютин	
Ценностный поход к анализу лингвокультурного образа «гражданин России».	158
А. В. Тонковидова	
Возможность возникновения межкультурной коммуникации в ситуациях изоляции, одиночества, уединения, сплетничания	161
Л. Г. Шамсутдинова	
Восприимчивость и устойчивость японской музыкальной культуры к иностранным влияниям	164
Е. А. Юшкова	
Политика мультикультурализма: особенности явления и специфика реализации на современном этапе	168

Секция 4. Цивилизационное развитие России: философский взгляд

Р. А. Бадиков

Челябинская станица Оренбургского казачьего войска в период
Великой российской революции 1917 г. 174

А. А. Бесков

Противоречивые образы прошлого в российском информационном пространстве
как фактор фрагментации массового исторического сознания 179

Н. И. Гнатенко

К критике западнического дискурса о российской цивилизации 184

В. А. Казанцева

Проблема перераспределения субъектности в условиях ситуации «новой нормальности» 187

И. Ю. Макаручук

Социокультурное развитие России в отражении романа-эпопеи о революции 1917 года. 190

А. В. Малинов, В. А. Курпrianов

Мифологизм в национальной философии (на примере Республики Алтай) 192

О. Н. Некрытая

Святоотеческая традиция и ее роль в формировании духовно-академической
концепции брака второй половины XIX и начала — XX веков. 197

Ю. Г. Тамбиянц, М. В. Гринь, С. В. Кулик

Цивилизационная динамика России: актуальность «островного» подхода 200

Г. С. Широкалова

Студенты о ценностях советской эпохи. 205

Секция 5. Регионы мира и глобализация

U. A. Kukina

Specific Features and Achievements of Jewish Feminism in Russia and Israel 212

Liu Zhenyu, Xu Na

A historical study of Chinese travels to Russia
in the late Qing Dynasty (using the example of Miao Yusong's wanderings) 216

Р. З. Мехтиева

Трансформация философии образования в условиях глобализации 219

А. К. Полянина

К проблеме анализа и описания национальных ценностей в контексте
национального самосознания 222

Ю. В. Самович

АСЕАН в ситуации противостояния — возможен ли выбор? 224

Н. А. Францева

Скрытая глобализация: Гэндзи-моногатари как источник вдохновения для дизайна логотипа . . . 228

Чжан Шучунь

«Тянься» в политической философии Чжао Тиняна. 233

Н. И. Ялманов, М. А. Алексеева

Векторы интеграции Республики Корея в международные экономические процессы 236

«Круглый стол» для учащихся и молодых ученых «Национально-культурная проблематика глазами юношества»

Ю. Л. Бульман

Влияние общественного мнения на внешнюю политику страны: опыт современной Японии. . . 242

В. В. Самко

Оценка противодействия КНР радикальным религиозным организациям
на современном этапе 247

Сведения об авторах сборника 253

CONTENTS

Organizing Committee of the 5 th International Research Conference “Fortunes of National Cultures in Globalization Context: between Tradition and the New Reality” (Chelyabinsk, September 29—30, 2022)	6
--	---

Workshop 1. Theoretical and Methodological Approaches to Studying National Cultures in Different Paradigms of Knowledge

A. I. Drogovoz Synergetics as a Modern Paradigm of Studying National Cultures	10
R. I. Zinurova, T. N. Nikitina Development of the Spiritual Culture of the Youth in the Context of Digitalization.	14
A. O. Ivanov Against the Current: Historian B. H. Yuldashbayev and Evaluation of his Works in the 1960s—1970s in the Context of Critical Discourse Analysis	19
O. Yu. Kokurina On the Issue of the Formula of Stateness in the Context of the Methodology of Organicism	24
D. O. Kuzmin Videogames as an Instrument of Cultural Trauma Experience: the Case of Serious Games Dedicated to the Yugoslav Wars of 1991—2009	30
D. M. Latyshev Normative Corporality in Orthodox Church: the Real and Imagine Bodies Representations in the Time of COVID-19 (on the example of Middle Ural Orthodox Periodical Press)	34
K. D. Nikonorov Formation of Traditional Ideas of Tuvans and their Influence on the Modern Social and Political Life of the Republic of Tuva	39
P. S. Odintsov Theory of Communicative Action as an Instrument for Analysis of Socio-cultural Processes	43
E. A. Skvortsova, A. Y. Rudometova Becoming a Family in China.	46
E. V. Chernysheva Ways to Overcome the Conflict Potential in the Modern Global World	51

Workshop 2. National Intellectual Culture: Traditions and Innovations

D. A. Atkunova Actualization of Traditional Crafts the Indigenous Peoples of the Northern Altai	58
N. R. Arnautova, A. S. Podolko Enhancement of Vocabulary of the Russian Language during the Coronavirus Pandemic	61
M. S. Bayutova Metaphysics of the Elements in the Poetry of Matsuo Bashō: Water (on the Example of Poems Translated by V. N. Markova))	66
E. A. Volkova The Development of Literary work in Altai in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries.	71
U. N. Danilova “The Tactics of Preemptive Nostalgia”. Mono no Avare in Japanese and Russian interpretation (from Tsurayuki to Chekhov)	75

V. A. Ermolaev	Gastronomical Peculiarities of European Countries	81
K. S. Efmov	Functional-Semantic Category of Evidentiality in the Udmurt Language	84
A. I. Konyuchenko	Russian Cossack Town Ch (Cultural Characteristics of the XVIII Century)	87
T. P. Kotova	Historical and Cultural Centres of Bashkortostan as a Form of Preservation of National Culture and a Resource for Tourism Development.	94
M. A. Kuzina	Vertical Context of a Translign Novel: Implication vs. Explication on the Basis of the Novel “Anita and Me” by M. Syal)	99
M. A. Martynova, M. V. Borovikova	National cuisine as an element of spiritual culture in the conditions of new reality	102
D. Yu. Semenov	The national Identity of Modern Sculpture of Udmurtia	108
A. E. Stepanenkova	State-of-the-art North and South Korea Political Cultures: a Comparative Analysis.	114
S. Y. Shchebrova	The Pazyryk «Animal Style» and Cultural Genetic Processes in the Altai Republic	117

Workshop 3. Cross-cultural Communication and the Problems of Globalization

A. M. Alekseev-Apraksin	Metamorphoses of Glocalization in the Altai Republic.	126
S. O. Buranok	«Russian Pearl Harbor» in US public opinion.	129
T. I. Vasilyeva, E. V. Khomenko	Preparing Students of a Technical university to Participate in Professional Intercultural Communication	132
D. M. Gavrilov	Traditions of Realism in the Contemporary Art	135
Y. R. Galimyanova, A. H. Gabdullina	The Peculiarity of the Reflection of South Korean Political Debates in the Media Language	140
Ye Haowen	The Influence of Huaju Theatre on the Culture of Ethnic Minorities in China	145
M. A. Lamm	Images of Russia and Ukraine in Vincenty Paul’s poem «The Song of Our Land»	150
S. A. Rostovtseva, A. V. Taskaeva	Characters of Literature and Cinema as the Basis for Associative Ideas about a Surgeon in the Russian Linguistic Consciousness	154
A. A. Selyutin	Value approach to the Analysis of the Linguistic and Cultural Image of the «Citizen of Russia»	158
A. V. Tonkovidova	The possibility of Intercultural Communication in Situations of Isolation, Loneliness, Privacy, and Gossip	161
L. G. Shamsutdinova	Susceptibility and Resistance of Japanese Musical Culture to Foreign Influences	164
E. A. Yushkova	Multiculturalism Policy: Features of the Phenomenon and Specific Features of Implementation at the Present Stage.	168

Workshop 4. Civilizational Development of Russia: a Philosophical View

R.A. Badikov Chelyabinsk stanitsa (Cossack settlement) of the Orenburg Cossack Host during the Great Russian Revolution of 1917	174
A. A. Beskov Contradictory images of the past in the Russian information space as a factor of fragmentation of mass historical consciousness	179
N. I. Gnatenko Toward a Criticism of Western Discourse on Russian Civilizationи	184
V. A. Kazantseva The problem of redistribution of subjectivity in the conditions of the “new normality” situation	187
I. Yu. Makarchuk Sociocultural development of Russia in the reflection of the epic novel about the revolution of 1917.	190
A. V. Malinov, V.A. Kupriyanov Mythologism in the National Philosophy (on the Example of the Republic of Altai).	192
O. N. Nekrytaya The Patristic Tradition and its Role in the Formation of the Spiritual and Academic Concept of Marriage in the Second Half of the 19th and early 20th Centuries.	197
Yu. G. Tambiyants, M. V. Grin, S. V. Kulik Civilizational Dynamics of Russia: The Relevance of the “Island” Approach	200
G. S. Shirokalova Students about the Values of the Soviet Era	205

Workshop 5. World Regions and Globalization

U. A. Kukina Specific Features and Achievements of Jewish Feminism in Russia and Israel	212
Liu Zhenyu, Xu Na A historical study of Chinese travels to Russia in the late Qing Dynasty (using the example of Miao Yusong’s wanderings)	216
R. Z. Mehtiyev The Transformation of Educational Philosophy in the Context of Globalization	219
A. K. Polyanina Analysis and Description of National Values in the Context of National Identity	222
Y. V. Samovich ASEAN in a Situation of Confrontation — is it Possible to Choose?	224
N. A. Frantseva Hidden Globalization: Genji Monogatari as a Logo Design Inspiration	228
Zhao Shuchun “Tianxia” in Zhao Tingyang’s Political Philosophy.	233
N. I. Yalmanov, M. A. Alekseeva Vectors of the Integration of the Republic of Korea into International Economic Processes	236

Panel discussion for students and young researchers “National and Cultural Issues through the Eyes of the Youth”

u. L. Bulman The Influence of Public Opinion on the Country’s Foreign Policy: Experience of Modern Japan	242
V. V. Samko Assessment of China’s Opposition to Radical Religious Organizations at the Present Stage	247
About the Authors	253